

Прусская утопия Освальда Шпенглера

Александров Н.Н.

Имя Освальда Шпенглера (1880–1936) связано с концепцией локальных цивилизаций, прозвучавшей в его двухтомнике "Закат Европы", вышедшем в 1918–1923 годы, в точке перелома эпох, – в этом и была огромная историческая удача автора. Книга О. Шпенглера, с "многочисленными проблесками гениальности", и сегодня остается единственной в своем роде, если не считать уже во многом адаптированной в науке работы Д. Вико, которой повезло куда меньше, – и история у нее противоположна шпенглеровской.

Судя по воспитанию, Шпенглер сложился в эпоху расцвета символизма, поэтому он *скорее иррационально ощущал* закат Европы, чем вычислил его. Недаром он говорит: "У Гете я позаимствовал метод, у Ницше – постановку вопроса", – и именно эстетство ницшеанского толка не позволяет отнести его замечательную книгу к области строгой науки. Ее и числят по разряду "странной философии".

Если говорить о главном её вопросе, вынесенном в название, – об историческом прогнозе Шпенглера, – то стоит заметить, что, по мнению большинства современных циклистов, Шпенглер принял малый цикл "заката Европы" за очень большой. Он недостаточно различал альтитуду уровней, ведь его цикличность *в основном одномерная*, весь анализ *по большей части – одного уровня*, хоть он и декларирует в своей схеме истории тысячелетний, трехсотлетний, пятидесятилетний и иные циклы. *Почувствовать* же таким прямым образом можно лишь малый цикл, а для описания большого и очень большого циклов нужен другой аппарат, не чувственный, а приближающийся к фрактальной математике. "Предчувствие гражданской войны" хорошо смотрится на картинах, но не в науке, а фон сочинения Шпенглера, особенно его первого тома, – предчувствие, почти физическое, надвигающейся мировой

войны: у него есть особая, ни с чем не сравнимая острота интуиции. Книга насыщена блестящими афоризмами (“Судьба – логика времени”) и читается как декадентский роман, каковым и является по стилю, что очень раздражало немецких ученых и давало повод издеваться над Шпенглером французам. Тем не менее, обруганное в свое время произведение живет и переиздается по сей день так же, как и любимое детище Д. Вико: да послужит это историческим уроком всем "самым правильным" ученым, изгоняющим из книг поэзию и эзотерику.

Стоит заметить, что с приговором Западу, прозвучавшим у О. Шпенглера, солидарен Лев Гумилев, но совершенно по другим причинам.

Приведем несколько цитат, характеризующих ситуацию с этой замечательной работой, потому что она для нас, конечно же, очень важна. Начнем с проблемы заимствований: вопрос о явном влиянии О. Шпенглера на современную науку, по сути, был в критике подменен вопросом о неявном влиянии науки на О. Шпенглера. Характерно, что попытки обвинить его в плагиате или заимствованиях продолжаются, хотя сегодня это даже не смешно.

Кроме Д. Вико и И.-В. Гёте к явным предшественникам Шпенглера можно отнести Ф. Ницше, А. де Токвиля и Я. Буркхардта. Берлинский философ истории К. Брейзинг никак не мог простить О. Шпенглеру свалившейся на него популярности и настаивал, что идею культурно-исторических фаз он разработал еще в 1905 году. Называли в связи с этим и Фр. Мюллер-Лейера (органические концепты детства, юности, зрелости и старости), но мы-то с вами знаем, что эти концепты живут в культуре уже не одну тысячу лет. В шпенглеровской дихотомии "культура – цивилизация" усматривал плагиат крупный немецкий социолог Ф. Тённис, издавший свой труд "Община и общество" (с такой же парой понятий в основе) в 1887 году.

Но то, что начитанные профессора Брейзинг и Тённис обнаружили в "Закате Европы", они никак не захотели обнаружить у Шеллинга или,

например, в "романтической истории" Ф. Шлегеля. Полемизируя с Кантом (выдвинувшим тезис о разумности и преемственности истории как целого), Шлегель построил модель истории как ряд независимых локальных процессов. Опираясь на опыт Индии, он доказывал, что все великие культуры равноценны, каждая проходит путь от мистического откровения, в котором впервые рождаются ее основные ценности, к рациональным конструкциям, ведущим к поверхностной образованности и утрате творческого порыва. Так что по одной лишь немецкой линии ближайших предшественников у Шпенглера было множество. Были они и по другим линиям. Так, Б. Кроче обвинял Шпенглера в том, что он всего лишь эпигон Д. Вико. Но это не так – на самом деле Шпенглер был Вико начала XX-го века. Что касается позиции самого Шпенглера, то он ссылался на И.В. Гёте и Ф. Ницше *с явными видами* на Лейбница и Гераклита.

Была в хоре обидчивых обвинений и русская линия. Общеизвестно, что Н.Я. Данилевский издал свою книгу "Россия и Европа" с *теорией культурных типов* в 1869 г. Это давало повод обвинять в плагиате О. Шпенглера. Но еще Вл. Соловьев (Немецкий подлинник и русский список. Соч.: В 2 т. т. 1 – М.: 1989, с. 561-591) обратил внимание, что Н.Я. Данилевский в свою очередь опирался на немецкого историка органической ориентации Г. Рюккерта и его "Учебник мировой истории *в органическом изложении*" (1857). Правда, по воспоминаниям Питирима Сорокина, Г. Шпет в 1921-м году видел у Шпенглера дома книгу Данилевского. Кроме того, если говорить о России, то аналогичная модель звучала в литературе и после работ Данилевского – у К. Леонтьева ("Византизм и славянство", 1875 г.). В советские времена Ю.Н. Давыдов походя обвинял О. Шпенглера в эссеизме и снобизме манеры изложения, а также в том, что национал-социализм ассимилировал его идеи "консервативно-националистического направления". Можно не удивляться, почему атака на эту книгу носила и носит столь озлобленный характер столь долго: такова участь всех синтетических книг.

Сам О. Шпенглер выразился о своих мнимых предшественниках весьма остроумно: "Число их тем временем должно было перевалить далеко за сотню. Если бы мне вздумалось прочитать хотя бы половину этого, я и сегодня еще не подошел бы к концу" своей книги.

Основные положения О. Шпенглера в "Закате Европы"

Шпенглер преследовал цель фиксации локальных культур в истории и строил для этого свой аппарат. Оторвавшись от традиций родной немецкой классической философии, он создавал свой категориальный аппарат в русле "философии жизни": "жизнь" есть исходное понятие его построений, "становление жизни" – его главная мифологема. Отторгая научный метод предшественников, Шпенглер утверждает, что такую важнейшую категорию, как "судьба", наука раскрыть не способна (наука объясняет только "причинность", которая пространственна), а понимание судьбы происходит на уровне личностной интуиции и переживания (во времени): "жизнь", несущая свой поток во времени, доступна осмыслению лишь через категорию "судьбы". Образно-символическое освоение Шпенглер противопоставляет научному "анатомированию". Культура, по Шпенглеру, обладает специфической душой, воплощаемой в мире. При этом "душа" есть возможность (завершаемое), а "мир" – действительность (завершенное). Жизнь (завершение) есть *образ*, в котором происходит *осуществление возможного*. История предстает как осуществление возможной культуры, движимой "становлением жизни". Более того: история, по Шпенглеру, имеет над-историческое объяснение, коренящееся в измерениях "жизни". Сама "жизнь", с ее "волей к власти", имеет политическое измерение ("политика в высшем смысле есть жизнь, и жизнь есть политика").

Исходя из понимания "жизни", Шпенглер отделяет жизнь растений (их *измерение* в хронотопическом потоке жизни – *время*), жизнь животных (оно обнаруживает себя также и в *пространстве*) от жизни человека. Привычную нам

категорию "сознания", присущую животному и человеку (хотя и по-разному), он заменяет "бодрствованием". Вслед за Монтенем, Гоббсом и Ницше человека Шпенглер называет "хищным животным", обладающим свободой, и это, по его мнению, есть высшая форма жизни. Вершиной человек становится в силу того, что он – "культуросозидающий хищник", умеющий приспособиться к среде иначе, чем его предшественники на эволюционной лестнице: его добычей становится покоренный мир. Техническое покорение мира, производство культуры вскрывают достаточно универсальную (неспециализированную) суть человека.

* * *

Совокупность фаз в одном цикле есть то, что позволяет нам сразу охарактеризовать намерения исследователя циклов. Из категории "судьбы" исходит, что развитие каждой культуры уже задано – и при рождении всякая культура осуждена на гибель. Шпенглер применил аналог *биологического возрастного ритма*, определяющий фазы внутреннего развития культур. Именно пульсация "жизни" в рамках "культуры" ведет к прохождению через данные стадии. Он выделяет *шесть фаз*, но мы считаем, что здесь, по сути, им использованы *три удвоенные фазы Гегеля*.

1. Рождение и детство (*или фаза становления*).
2. Молодость и зрелость (*или фаза устойчивости*), рост.
3. Старость и "закат" (*или фаза деградации*), старение и гибель.

Шестерка фаз оптимальна, со многих точек зрения, эмпирически к ней приходили многие исследователи и до Шпенглера. Мы подробно рассматриваем ее универсальную эстетическую специфику в курсе лекций по эстетике, который подготовлен к публикации на АТ, а также в работе о числовых инвариантах в металитете.

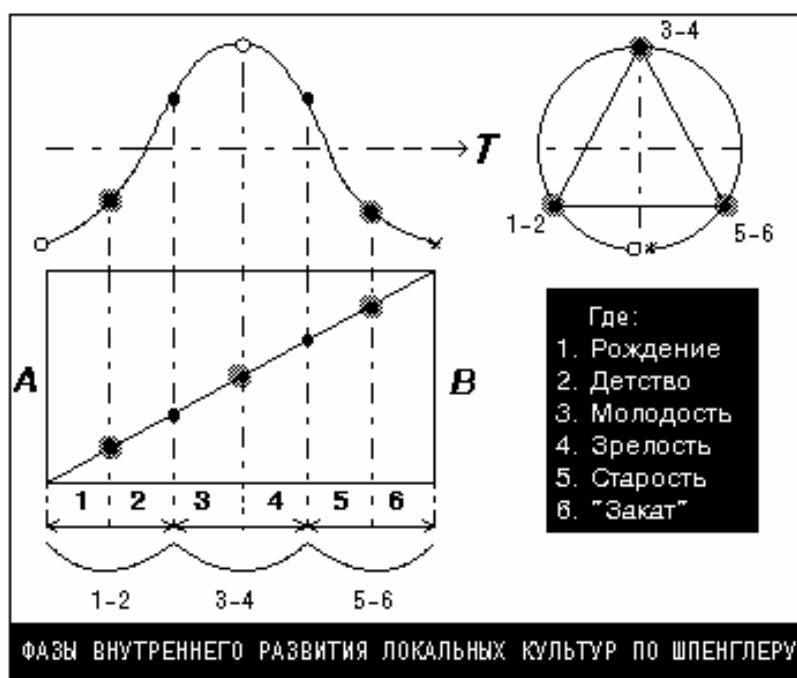

Рис. 1.

Примечательно, что *культуре* Шпенглером отмерен тысячелетний срок.

Полярная методология О. Шпенглера

Полярности, во множестве нанизываемые Шпенглером на ветви его логики, весьма однородны. Это – хронотоп: *время и пространство*. Данная пара, облакаемая в типично немецкую тяжелую фразеологию и пробитая во многих местах утомительными боевыми выпадами против классической (немецкой же) философии истории, ничуть не меняется на протяжении всего труда Шпенглера. Он просто добавляет к ней определения, многократно переодевает ее, оставляя неизменной ее хронотопическую суть.

В космической стихии жизни Шпенглер выделяет *мужское и женское* начала (читай *"пространство и время"*). Мужчина переживает судьбу и постигает ставшее, женщина тождественна жизни во времени и судьбе. Коротко говоря, мужское начало – животное (микрокосмос, автономный), женское начало – растительное (макрокосмос). Таковы же и его движущие силы истории (первословия): *духовенство* содержит в себе мужской (и небесный) набор

признаков, *дворянство* – женский (и земной). Из этого небогатого арсенала Шпенглер вытягивает настолько много вольных трактовок, что история превращается в его изложении в довольно однообразную картину "маятниковой истории". А логика исходных посылок, приводя к идеям элитаризма и антидемократизма, не дает ему возможности хоть как-то отнестись к процессам после средневековья ("золотого века", по Шпенглеру). "Третье сословие" его раздражает, он списывает его в "отрицательное" сословие, лишенное духовного единства; именно в нем, с его победой, он находит причину, по которой кончается расцвет всякой культуры. Еще более отрицательным становится его пафос, когда он говорит о "четвертом сословии", "массе", – самой разрушительной силе на арене истории (продукт мирового города!), совсем уж лишенной духовных корней. Машинизация цивилизации и увеличивающаяся роль массы особенно пугали его в феномене социализма (с идеями мировой революции и "намерением слить в единое целое человеческий муравейник"). Каков же его рецепт? Возрождение истории большого стиля, сильной власти достойных, пруссачества (недаром его творение В.Ф. Асмус называл романтической исповедью публициста из класса прусского юнкерства). Он еще при жизни увидел все прелести своей воплощенной мечты – в "третьем рейхе", вывернувшем все его элитарные построения наизнанку.

Шпенглеру так импонирует средневековье, что черты дворянства он готов приписать даже буржуазии. Он не анализирует Новую историю, а вгоняет ее в свою антико-средневековую схему. Отсюда – такой страх перед *мировым городом*, в противовес идиллии *мировой деревни*, даже попытки сделать "третье сословие" продуктом города, пока еще равного с деревней. По сути, Шпенглер оказался в шорах своего времени, которое он описал замечательно, но выдал это описание за универсальную внеисторическую схему.

Вот структура его парной "маятниковой истории" – в виде скоординированных (но отнюдь не субординированных на данной схеме) пар:

Время	– Пространство
Макрокосм	– микрокосм (автономный)
Женское	– мужское
Земное	– небесное
Дворянство	– духовенство
Мир (вне нас)	– душа
Деревня	– город
Культура	– цивилизация
Органическое	– механическое
Единичное	– массовое
Мир	– война
Жизнь (Судьба)	– причинность
Образ	– осуществление (возможного)
Растение	– животное
Открытость (жизни)	– герметичность (культуры)
Качество	– количество
Восток	– Запад

Можно проиллюстрировать исходную парность подробнее, чем мы сейчас и займемся. Многочисленные последователи Шпенглера развили эту парность в достаточно широком диапазоне.

Локальные культуры

Когда Шпенглера вырывают из исторического контекста, он производит впечатление чудака, ударившегося в крайность: культура рассматривается в его учении не как единая общечеловеческая, а как совокупность *ЛОКАЛЬНЫХ культур*, вырастающих на основе своего собственного "способа переживания жизни" (морфологические типы культуры). На этом основании Шпенглера

считают "*философом жизни*" и "*философом истории и культуры*", а также "*социальным философом*".

Он выделяет *восемь локальных культур* (достигших зрелости, ибо *недозрелых культур* в истории было значительно больше), каждая из которых вырастает на основе своего собственного уникального "прафеномена": вавилонская, египетская, греко-римская (античная), индийская, китайская, византийско-арабская, русско-сибирская, майя. Только четыре культуры из данного набора можно встретить в типологии Н.Я. Данилевского. Заметим: общая линия развития локальных культур у Шпенглера все же одна. В нашей книге мы показываем, что в истории присутствуют на самом деле как минимум две линии (две дополнительные спирали) – и шпенглеровские культуры замечательно хорошо на них размещаются.

Обнаружить "душу" культуры, по Шпенглеру, возможно, найдя ее базисный символ, "*прафеномен*" (это термин Шпенглер почерпнул у Гёте, переложив его из области естествознания на культуру). Это и есть источник построения морфологии культуры. Декларируя восемь, Шпенглер на деле обращается преимущественно к трем культурам: *аполонновской* культуре (чувственно-наличное тело), *фаустовской* (символика беспредельного пространства и времени – ее душа) и *магической* (противопоставление души и тела).

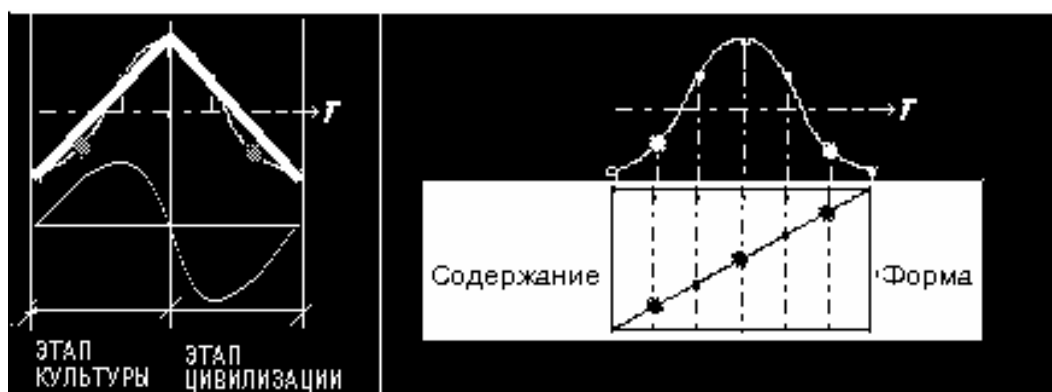
Если мы вернемся к историческому контексту, то станет ясно, что заостренность Шпенглера на локальных культурах есть не более чем война против другой крайности его времени – сведения мировой истории к истории Европы. Это неприятие так называемого "классического исторического подхода" идет не от Шпенглера, а от Ницше и его тезисов о вреде и пользе истории. Критика европоцентризма, несомненно, обогатила если не аппарат исторической науки, то философию истории (специфика развития цивилизаций в связи с регионами и т.д.).

Если говорить о расхождениях, то Шпенглер *отрицает прогресс*, а значит, и преемственность, не находя для этого оснований. Мы прогресс подразумеваем и говорим о преемственности и накоплении общечеловеческого менталитета (хотя бы в виде роста количества и качества общественного интеллекта).

Шпенглер абсолютизирует герметичность (непроницаемость, непознаваемость извне, отсутствие взаимосвязи) локальных культур в противовес открытости "жизни". Это опять-таки можно бы отнести за счет заостренной полемики, если бы сам тезис не захватил Шпенглера полностью. Мы относимся к культурам как к организмам, обладающим и герметичностью (функция сохранения широко понимаемых "границ" культуры), и проницаемостью. Более того: культуры, которые пытаются искусственно выстроить "железный занавес", быстро задыхаются от собственной "герметичности" – мы это испытали на себе.

Культура и цивилизация как две фазы в развитии

В *цикле локальной культуры Шпенглер выделяет два главных этапа*: восхождение (культура) и нисхождение (цивилизация). Двухфазовая противопоставленность выглядит слишком уж упрощенно, к тому же не ясно, где кончается культура и начинается цивилизация, что посередине, в точке перехода от культуры к цивилизации.

Рис. 2.

Теория О. Шпенглера чисто качественная и недифференцированная в данной части потому, что в ней применена двухфазовость. По общему смыслу она совпадает с нашей трактовкой пары "содержание и форма", только у нас это мыслится не отдельно (как две фазы цикла), а взаимосвязанно (как *начала*, как стороны противоречия). С нашей позиции, то, что О. Шпенглер называет *культурой* (первая полуфаза), есть *преобладание содержания над формой* до момента их адекватности, когда содержание находит соответствующую ему форму, а то, что он называет *цивилизацией*, вторая полуфаза, есть *движение от момента равновесия содержания и формы к стагнации* – когда формы становится больше, чем содержания (формализация, застой, деградация).

"Душа" устремленная к расцвету, подобно растению, порождает культуру. Поскольку "душа" рано или поздно неизбежно утратит свою силу, автор выражается недвусмысленно: "Цивилизация есть совокупность крайне внешних и крайне искусственных состояний, к которым способны люди, достигшие последних стадий развития. Цивилизация есть завершение". Многократно повторенная схема завершения пути локальных культур цивилизационной стадией нужна Шпенглеру только для одного – для доказательства цивилизационного состояния фаустовской культуры (заката Европы). Продукт цивилизации – империализм, воплощающийся в "мировых городах".

Органическая и механическая половины цикла

Части цикла у него рассмотрены в таких ракурсах, как *органическая* и *механическая* половины цикла. Им приданы некоторые индикационные характеристики, хотя и общие, но исходящие лишь из одного ракурса: это – взаимодействие количества и качества. Рассмотрим его на одном тезисе.

Окостенение сопровождается **омассовлением**. Бывшее единичным качество (культура) при этом становится количественным (цивилизацией). **Такой** процесс носит название **дивергенции**. Есть у него и обратный процесс –

конвергенция. Вот два характерных примера реализации названных процессов в его книге: *огромные* города приходят на место *многих маленьких* деревень и *небольших* городков (многое малое превращается в единое и большое); напротив, ныне наблюдается процесс *глобализации* форм и способов человеческого существования (хозяйства, политики, техники, науки и т.д.).

Стоит отметить, что именно Шпенглер одним из первых рассмотрел угрозу научно-технического отчуждения. Он увидел ее негативную сторону в истории, а Тойнби – позитивную, объединительную.

О. Шпенглер говорит, что культура – "принцип времени", а цивилизация – господство "принципа пространства". Таким образом, *хронотоп* (время и пространство) у него предстает как связанность качества и количества. Это можно интерпретировать так, что его *культура* (качество) есть "принцип времени", а цивилизация (количество) – "принцип пространства". Такова и наша дивергентная логика применительно к определенным этапам истории. Например, эллинизм мы трактуем как проявление *омассовления*, сутью его является распространение греческого менталитета по тогдашнему миру.

Цивилизация, по Шпенглеру, тождественна понятию *война*: всякая война есть прежде всего борьба за новое жизненное *пространство*, в чем чувствуется влияние немецкой органической школы (мы подробнее обратимся к этой важной теме при анализе геополитики и пространственного отношения в хронотопе).

Исходя из этого тезиса, можно как-то понять и его книгу "Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие" (1933), когда его же идея повела его на поводке своей логики: пусть лучше все погибнут в этой неизбежной *войне цивилизации*, ибо никакого иного "высокого смысла" у них больше нет. "Героический пессимизм" требует от человека энтузиазма в ситуации фатальной механики истории ("Пессимизм?", 1921). Нацизму оставалось только подхватить уже готовую логику красноречивого автора и отбросить самого

автора; в конце его жизни необразованные люди в коричневых рубашках охотно издевались над "старшим преподавателем" – таков был максимум, которого смог достичь в новой империи этот оригинальный мыслитель.

Цивилизация, по Шпенглеру, есть еще и олицетворяющий ее Цезарь (единица, индивидуализм): массовость (*много*), но при этом – индивидуализм единицы (*в одном*) – имперская по своей основе ментальная конструкция, порождающая Цезарей и Наполеонов.

Эти два процесса мы изображаем при помощи схемы из двух “встречных” треугольников.

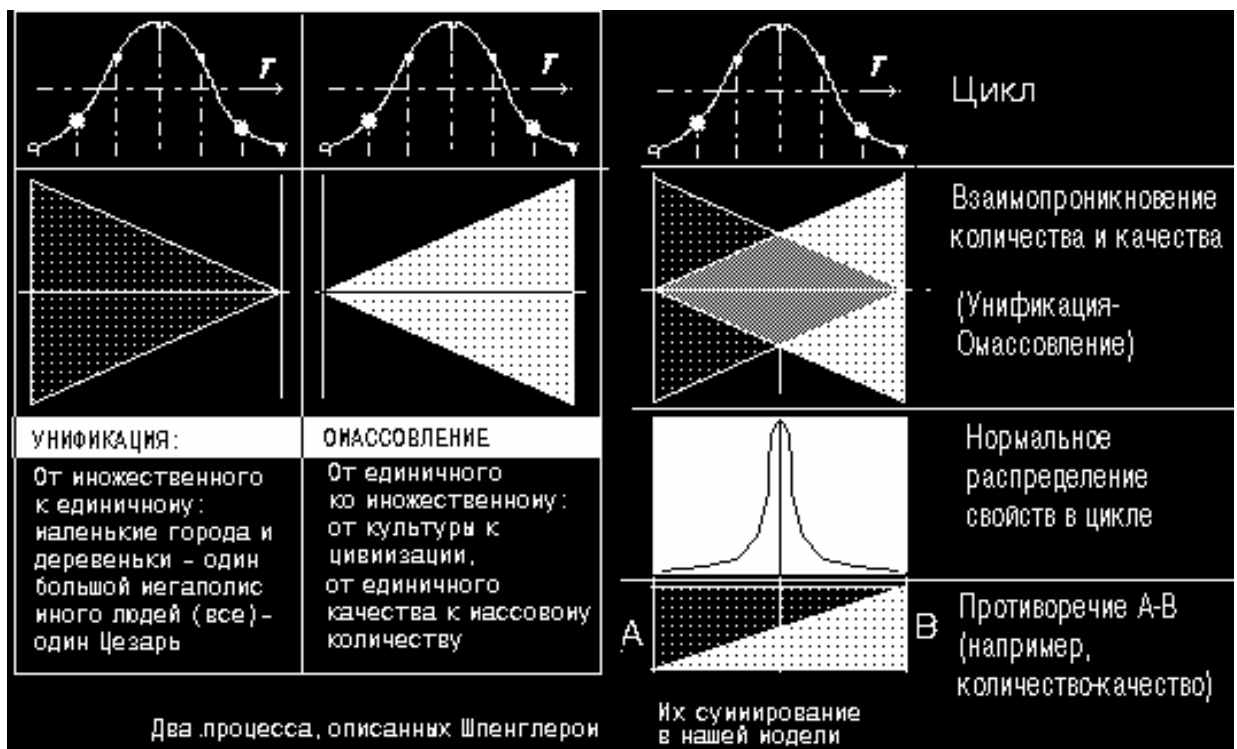

Рис. 3.

Книга О. Шпенглера и наша концепция

Жить в России и *действительно* заниматься наукой в провинции в последние полвека было, пожалуй, трудновато. С упорством, достойным лучшего применения, я конструировал свою систему, начала которой были изложены в моих ранних работах, и периодически читал в словарях смутные ругательства по поводу некогда существовавших циклистов и их теорий. И вот, когда моя научная система была в принципе готова, сразу в двух издательствах вышла книга О. Шпенглера, причем сначала лишь первый том (так что Россия почти не утратила с прошлого века титул "страны первого тома" – так ее ехидно называли за многочисленные нереализованные попытки издать некие собрания сочинений и серии, обычно завершавшиеся первым томом); второй вышел только в 1998 году.

Публикация книги О. Шпенглера после полувекового перерыва впервые познакомила наше поколение с половиной первоисточника. И этот первоисточник оказался давно знакомой книгой, настолько она уже была за это время явно ассимилирована мировой культурой и неявно – нашей. Но вот что странно: никто не захотел с этой книгой до конца разобраться. Если не считать статьи С.С. Аверинцева 1968 года, вполне самостоятельного предисловия К.А. Свасьяна, доказывающего, что и у нас О. Шпенглера читали и знали, буквально недавно опубликованного разбора положений Шпенглера в книге Б.Л. Губмана (при многих достоинствах он имеет совсем другой ракурс, чем тот, который интересует здесь нас), книга не вызвала научного резонанса. И теперь я понимаю, почему: соответствующего *научного аппарата* нет ни у кого (исключая разве что "отца" системогенетики А.И. Субетто, которому, видимо, просто не до Шпенглера). Не отозвались на нее и специалисты по прогнозам и циклам, читавшие ее значительно раньше, – прогнозами у нас худо-бедно занимались в закрытых заведениях, но читать О. Шпенглера "кому попало" не давали спецхраны.

Когда я собирал по крупицам разные интересные гипотезы и мысли, я “домысливал” отсутствующее, отталкиваясь иногда от одной фразы в журнале. Тот, кто писал в этом журнале, может быть, и знал, что берет мысль у О. Шпенглера, но мне тогда это было неведомо. Из мозаики фактов и обобщений возникало нечто целое, я радовался возникающему сцеплению, которое рождало новые и новые ветви мыслей. *Разобранный по цитатам Шпенглер* у меня реконструировался, хотя, может быть, мне это лишь кажется по прошествии лет (как пишет А.А. Брудный, можно прочесть и совсем иные смыслы, чем те, что были заложены в тексте). Будем считать, что О. Шпенглер написал книгу для меня, за что я ему благодарен: всегда хорошо, когда есть с чем сравнить то, что ты сам сотворил.

Ну а если всерьёз, то о чем же говорит О. Шпенглер, почему его не слишком отчетливо понимают? Он собирался стать драматургом или поэтом, но время требовало научной и мировоззренческой драмы, какой и стал его "Закат Европы".

1) О чертах сходства

1. О. Шпенглер смотрел на мир так же, как и мы – в этой книге, – через философию, близкую по духу к искусству, отсюда – его *непонятый "эссеизм"*, абсолютно идентичный эссеизму Д. Вико. Именно его стиль вызвал немилость ученых, хотя больше всего их обидело, что Шпенглер не снизошел до поисков предшественников и упоминаний о них; за это его много лет подвергали тайному или явному остракизму как на Западе, так и у нас. Но раздражал он еще кое-чем кроме своего пресловутого "эссеизма": научно разрушить его художественный монолит можно было только по частям, а это – работа долгая и кропотливая, а вот ославить можно было враз. И он попал в историю, поддавшись *художественной логике* своего же труда, он поверил в то, что сам

же написал: он был по существу своему художником, написавшим ученый трактат по случаю.

2. О. Шпенглер частично самостоятельно в ряде важных положений открыл *системную генетику* и применил ее к обществу. Не понял этого не только ученый мир, но и он сам, потому что очень торопился *проговорить понятое* – оно его просто переполняло.

3. Никто из критиков и исследователей так и не отметил, зачем понадобилась О. Шпенглеру математика и какую роль в архитектонике его книги она играет. Различные формы математики выступают у него как определенные параметры менталитета в морфологических типах культуры, причем почти как художественные параметры. Я пишу об этом лишь потому, что сам написал книги о циклах общей истории и истории искусств, и о *числовых и геометрических ментальных инвариантах* и их динамике.

Я рассматриваю число как ментальный конструкт, а натуральный ряд чисел – как инвариантный скелет ментального конструкта в пределах одного цикла. О. Шпенглер же рассматривает статику и динамику, число и алгебру, стационарную и релятивистскую линии в математике – и они нужны ему для проведения тонких аналогий и связей, иногда просто блестящих и вызывающих невольное восхищение.

4. Одна из важнейших черт сходства состоит в выделении периодов культурной циклики. Еще до выхода первого тома Шпенглера в нашем времени я подготовил работу по тысячелетнему и трехсотлетнему циклах в русском искусстве и о разбивке столетнего цикла на два пятидесятилетних. Это – момент явного сходства, но только... кажущегося! В целом наши циклические схемы отличаются принципиально. Если быть точным, то Шпенглер вообще никаких циклических схем в своем тексте не применяет, он *упоминает* об их существовании в таблице – и это все. Поэтому обсуждать некие концептуальные различия можно только на уровне контекстуальных трактовок.

5. Мы применяем парные индикаторы, как и Шпенглер, но лишь как частный случай множества всех возможных индикаторов.

2) О различиях

О. Шпенглер идею преемственности истории отодвигает от себя (я подчеркиваю, не отторгает, а *отодвигает на периферию* и решать эту проблему не хочет), то есть рассматривает локальность, как он сам настаивает, морфологию, мировой истории. Не очень понятно, как можно рассматривать морфологию (морфологию чего?), не выделяя целого. Об этом, кстати, писал и Р. Арон, подметивший "парадокс Шпенглера".

Мы же в качестве *первого тезиса* выдвигаем ***принцип единства и преемственности мировой истории***, накрывающей всю морфологию О. Шпенглера, и говорим к тому же (в духе эволюционизма Г. Спенсера, П. Тейяра де Шардена или взглядов нашего крупного современного историка Н.И. Конрада), что общественная история человечества сама является частью, кусочком глобальной эволюции. Кстати, *морфологией мировой истории* текст О. Шпенглера назван, с нашей точки зрения, неправомерно: в нем нет именно морфологической полноты – это скорее вольный набросок для морфологии. Да и "научность" Шпенглера, вообще-то, следует понимать как художественную мистификацию, поэтому его "морфология" есть такая же игра, как и все прочее в его художественном тексте.

В своей книге О. Шпенглер рассматривает преимущественно *только один уровень циклов*, а именно: уровень культурно-цивилизационных групп, причем, более ранний по времени перечень таких групп у Данилевского значительно обширней. Избран данный уровень как системный правомерно, но О. Шпенглер сам лишил свой подход многих достоинств, не прибегнув *к многоуровневому анализу*, уже существовавшему в то время в науке. Надо отдать ему должное: интуитивно он чувствовал наличие альтитуды и даже продекларировал

тысячелетний, трехсотлетний и пятидесятилетний циклы (культурные эпохи, эпохи искусств и политические эпохи). В отличие от того, как смотрим на эту проблему мы, *циклы у него не являются вложенными* и не образуют альтитуды вложенностей (это трудно сделать, ведь он жестко удерживает *шестифазовый принцип деления цикла*). В результате разноуровневые циклы он рассматривает не связанно, а рядоположенно. Кроме того, если бы он выделил столетний цикл, то получил бы закономерность вложенности, как это делаем мы (1000–300–100 лет). Он его не выделил, используя 50-летний цикл, и понятно, почему (50 лет помножить на 6 фаз цикла = 300 лет). Именно этот *недоработанный системогенетический подход* привел его к неадекватному глобальному прогнозу и общеисторическому пессимизму.

Мы рассматриваем историю как N-мерную (например, семиуровневую, пятиуровневую и, наконец, трехуровневую как минимум).

О. Шпенглер не описывает цикл, не характеризует его специфику, хотя и применяет довольно развернутую шестифазовую модель цикла (за что, собственно, Б. Кроче и обозвал его *эпигоном Д. Вико*). Выдвинув свою модель, он сам же и абсолютизировал ее. Он уже вынужден был делить 300 на 6 и других вариантов не испытал.

В нашей работе применена снова-таки N-фазовая модель цикла, где количество промежуточных ступеней принципиально не имеет предела и зависит лишь от количества вводимых для рассмотрения существенных подуровней. Мы берем любую *нечетную фазовость* (3, 5, 7, 9 и т.д.) как особый способ описания цикла и совмещаем с *четными фазами* (2, 4, 6 и т.д.). Но эти подходы не рядоположенные: они переходят друг в друга при помощи выдвинутой нами специальной трехмерной модели цикла. Шпенглер, видимо, интуитивно чувствовал наличие двух последовательностей, отчего и ввел отношение 1000/300 (нечетное) и 300/50 (четное), но далее *рядоположил* их и операции синтеза не произвел.

* * *

Всякая формула изобретения содержит обязательную фразу "отличается тем, что...". В целом в нашей работе есть пять принципиальных *методологических отличий* от книги О. Шпенглера "Закат Европы".

1. В нашем понимании *история как целое покрывает морфологию цивилизаций и культур*, являясь частью еще более широкой *глобальной эволюции*. О. Шпенглер единство истории отрицает.

2. Мы используем *принцип многоуровневой альтитуды, дополняемый принципом вложенности уровней*. О. Шпенглер системной многомерностью уровней оперирует (говорит о трех уровнях), но принципа альтитуды и закона вложенности циклов не применяет.

3. Мы используем свободный переход от дискретности к непрерывности (от дифференциала к интегралу) как в этой альтитуде, так и фазах цикла, Шпенглер – нет. Его фазы константны, фиксированы, а это лишь часть волновых процессов, причем нижняя, базовая.

4. О. Шпенглер *объясняет и описывает* историю, но при этом он изначально не выделяет индикаторов или маркеров, по которым он это будет строго делать. Поэтому у него просто не могло быть (в силу отсутствия вышеназванного понятия об уровневой альтитуде и понятия об индикаторах) *выделения и многомерного сложения показателей* – того, что у нас названо многоуровневыми индикаторами и маркерами. Например, у него нет многомерного сложения времен по уровням и понятия суммарного времени так же, как и всех прочих подобных понятий.

5. Кроме того, О. Шпенглер не выработал также и гипотезы об обратном ходе, *контрамоции и композиции* ментального времени внутри социальных циклов, это гипотеза моя, и я мыслю ее как N-уровневую (о чем речь пойдет ниже).

6. О. Шпенглер не использовал ни принципа, ни моделей дополнительности циклов, то есть, по нашим понятиям, *он описал лишь "надводную" часть истории*, если говорить о ее циклическости. От этого его локальные культуры и стали *локальными*, вырванными из общего контекста истории. Между тем все они могут быть описаны как единый эволюционный процесс в системе дополнительных спиралей, в качестве попеременно выходящих на арену общей истории дополнительных циклов.

На всех уровнях мы применяем *систему из двух дополнительных спиралей* (как цилиндрических, так и конических, как спиралей в импульсах, так и самих импульсов и еще более сложных образований из импульсов – на спиральных и на импульсных). А модели альтитудного сложения дополнительных спиралей, которая выступает у нас в качестве ведущей, О. Шпенглер просто не мог развернуть, в силу отсутствия у него подобных исходных установок.

Существует еще целый ряд более частных отличий, связанных, например, с современными теориями и фактическими данными, которых О. Шпенглер не мог знать в свое время, но они уже не носят принципиального характера.

* * *

Самую нелюбимую оценку работа О. Шпенглера получила у Люсьена Февра, крупнейшего французского историка, современника О. Шпенглера. "**Закату Западного мира**" (а это – более точный перевод книги) он дал следующую уничтожающую характеристику: "Как быстро в охваченной брожением Германии 1922–1929 годов полиняла историческая этикетка на пузырьке с политической микстурой, состряпанной этим ловким и пленительным краснобаем...". Но нам подобное замечание представляется неверным по сути, при всей его эффектности. О. Шпенглер – прекрасный ученый, мыслящий очень цельно и цепко. Его достижения в синтетическом плане не сравнимы ни с чьими другими. Он *обнаружил* то, чего не смог понять сам, и, несмотря на то, что читать его трудно, хоть и увлекательно, следует разобраться с его истинными

достижениями. Они, пожалуй, не имеют отношения к истории и исторической науке, зато имеют прямое отношение к социогенетике.

Метод Шпенглера – импровизационный. Он не знает точно, какой поворот примут его мысли, и сама художественная логика истории увлекает его куда больше, чем история и наука о ней. Накопив множество импровизаций, он начал связывать их неким общим замыслом, втаскивать в этот замысел философию, искать себе предшественников и выражаться научно. Но как только он начал сводить все воедино, новая волна импровизирования накрыла его – и в книге возобладал этот вольный полет стиля. Он нашел в себе силы остановиться, иначе через десяток лет это была бы уже другая книга.

Экстатическая эмпатия О. Шпенглера очень скоро была разрушена (и не только в Германии) – как *теологическим* научным трудом А. Тойнби, так и спокойным и тихим ударом, которой сокрушил архитектонику и Шпенглера, и Тойнби, – ударом, последовавшим из области "как бы продолжения" идеи локальных культур в этногенезе: удар из России носил название *пассионарности*.